

В Южно-Казахстанской области два мавзолея: первый возведён на могиле Арыстанбаба, религиозного философа-мистика, проповедника, духовного наставника и учителя Ходжи Ахмеда Ясави, знаменитого суфийского поэта и мистика, память которого тоже увековечена мавзолеем. А вот на главной площади российской столицы — Мавзолеем вождя революции...

Город Туркестан — в центре повествования известного современного казахского философа и публициста Сейдахмета Куттыкадама, которое сам автор определил как «евразийскую сагу». Евразийство, воссоединяющее Россию и кочевые культуры Азии в единое духовное пространство (вне его крайних точек, где каждая сторона претендует на доминирование, минуя модель советского искусственного объединения народов и культур), хотя и уходит корнями в идеи русской эмиграции начала двадцатого века, но именно сейчас, в эпоху национального возрождения, имеет большое значение — как теоретическая основа кооперации и союза национальностей на основе культурной дружественности и практической взаимовыгоды, а не насильственного объединения.

Книга Сейдахмета Куттыкадама — это словесные портреты живших в Туркестане с начала двадцатого века до второй его половины самых обычных людей, главным образом казахов, состоящих в родстве, но прародители которых принадлежали к разным родственным кланам (жузам). Судьбы этих людей ускользали от историков не только по причине «обыкновенности», но главным образом из-за особенностей казахского менталитета: в прошлом для казахов была святой «тайна частной жизни», и если «чужие взоры» вмешивались в личную жизнь казахской семьи, это воспринималось как угроза самой судьбе. Таубай — прародитель семьи Таубаевых, Бесинбай, Айберген, погибший на фронте в 1943 году,

обаятельный костоправ Шамши, главарь ташкентских разбойников поневоле Балмухан и его напарник Хаким, который потом становится... председателем процветающего колхоза, а главное, истории семей, истории любви — Торебека, тоже прошедшего фронт Великой Отечественной войны, и спасённой от большевиков дочери бая Назипы, Рахыма, выросшего в детдоме, и дочери Торебека и Назипы Рсалды... Значимый для автора образ — вышедшая замуж за казаха русская девушка Зина, ставшая Злихой, воспитывающая детей «в любви к русской культуре», но считающая «главным познание своей казахской культуры»: «женщина, выходящая за мужчину другой национальности, должна принять не только мужа, его семью, но и культуру, обычаи, даже предрассудки его народа». И, конечно, главный герой книги — Сержан, имя которого переводится как «вольнлюбивая душа» — это его глазами видит читатель и степь, и город, и людей. Чтобы «понять дух эпохи,— утверждает Сейдахмет Куттыкадам,— нужно внести в её портрет светотени и мелкие штришки отдельных колоритных людей из народа», «их аруахи (духи) не простят мне, если они останутся в забвении...», потому что «не человек находит слово, а слово — человека, через которого оно себя выражает...». Эти простые люди высветлены памятью автора и внезапно оказываются каждый со своим даром. Их обыкновенность — только маркер социума: с точки зрения глубинной человеческой истории, каждый из этих людей своеобразен, каждый внёс свой штрих не только в памятные анналы своего рода, но и в историю народа, страны.

В городе Туркестане жили не одни казахи, но селились, а точнее, скрывались от власти узбеки, «отмеченные политический неблагонадёжностью», немало было бухарских евреев, сапожников, часовщиков — три колоритных сапожника показаны на страницах книги,— жили в Туркестане еврей-ашкеназы, врачи бухгалтеры, учителя. И, конечно,— русские: в повествовании Сейдахмета Куттыкадама это директор школы, учителя, соседи, а иногда и члены казахских семей. Особо интересен и загадочен образ Козмы, нищего полубродяги, который оказывается гением-учёным, другом академика А. М. Виноградова, и передаёт тому все свои научные разработки; по всей видимости, этот нищий — жертва репрессий, вынужденно скрывавшаяся в Туркестане. Не

менее интересен предсказатель Кореген, мелкий номенклатурный чиновник, наделённый пророческим даром. Вещие сны видела и бабушка Сержана (вообще, оказывается, казахи «придают большое значение снам»). И, конечно, в городе, для жителей которого святыни — мавзолеи суфиев, знаковые фигуры — старый Садык и Дервиш, суфии ордена Яссавия.

В Туркестане среди простых казахов было сильно и тенгрианство, которое в другой своей книге «Дао Алтая» Сейдахмет Куттыкадам ведёт с Алтая: «на Алтае смыкаются три мировые религии — христианство, ислам и буддизм, а также зороастризм, даосизм, конфуцианство, шаманизм... Но прямым его наследником является тюрко-монгольское тенгрианство». «Дао Алтая» была издана в том же издательстве «Беловодье» и получила очень хорошие отзывы профессионалов и читателей.

Особое место в художественных очерках Сейдахмета Куттыкадама занимает рассказ о Е. Б. Бекмаханове, авторе запрещённого учебника «История Казахской ССР» (Алма-Ата, 1943), учёном, обвинённом в национализме, — от двадцати пяти лет каторги его фактически спасла историк А. М. Панкратова: в учебнике Бекмаханова была глава, посвящённая Кенесары Касымову, лидеру национально-освободительного движения казахов 1837 — 1847 годов, и содержались материалы об этом народном движении.

Автор, несмотря на признание уникальности и мощи СССР, во многом критически оценивает советский период в истории Казахстана, его «тоталитарно-силовое поле». Описание ежегодной уборки хлопка детьми-школьниками или идеологическое преследование Намысулы, героя-фронтовика, которому за освобождение детей от непосильного труда грозило исключение из партии, — эти страницы были в истории Туркестана шестидесятых годов прошлого века... Ещё страшнее устроенный в тридцатые годы большевиками в Казахстане голодомор. Сейдахмет Куттыкадам высказывает своё мнение: голодомор нельзя простить. Но нужно отделить народ от большевистской верхушки, виновной в гибели людей от голода (в Казахстане, в Сибири, на Урале, в Поволжье, на Украине, в Белоруссии). Только добравшись до понимания причин, можно успешно скоординировать объединяющие силы евразийского пространства.

Самое интересное в книге — это показ обычаев и особенностей национального казахского менталитета. Мало кто знает, что казах — отец семейства должен был любой ценой достать жерик — то, что запросила ожидающая рождения ребёнка жена. Жерик может оказаться самым необычным, труднодоступным, но муж преодолевает все препятствия и привезёт его. Не менее интересна и другая народная примета: «старший сын всегда считается младшим сыном деда и бабушки с основной, отцовской, стороны...» — и потому отношение старшего сына к родителям как к равным, то есть почти как к брату и сестре, считалось раньше в казахских семьях архетипической нормой.

А вот примеры народной мудрости: «Перед тем, кто кланяется тебе, склони голову до земли, а перед тем, кто кичится, поднимай голову до небес». Или: «Всё по-настоящему великое не терпит мишуры, а всё фальшивое старается покрыть себя позолотой».

Жаль, что в книге мало освещена сторона народного казахского юмора: несколько историй о проделках Алдара-Косе (Безбородого обманщика) не помешали бы...